

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ: ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА И СИТУАЦИЯ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Рыжова Светлана Валентиновна

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

Silica2@yandex.ru,

ORCID 0000-0002-1982-5008

Для цитирования: Рыжова С. В. Этническая идентичность и толерантность в поликультурном обществе: общероссийская перспектива и ситуация в Кабардино-Балкарии // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 4. С. 156–177. DOI 10.19181/snsp.2023.11.4.7. EDN AIFYWD.

Аннотация. В статье представлены результаты изучения этнической идентичности и этнической толерантности как значимых элементов массового сознания россиян. Эмпирической базой служат репрезентативные социологические исследования в Российской Федерации, данные Фонда «Общественное мнение», исследование в Кабардино-Балкарской Республике, данные глубинных интервью с экспертами Кабардино-Балкарии. Отмечается, что этническая сложность РФ закреплена в общественном и доктринальном дискурсе, находит отражение в Конституции страны и Стратегии государственной национальной политики. Исследования показывают, что при высоком уровне этнической идентичности среди россиян поддерживается и высокий уровень межэтнической толерантности, необходимый для обеспечения процессов общероссийской консолидации. Наиболее ёмким индикатором межэтнической толерантности служит представление о недопустимости насилия в разрешении межнациональных и межрелигиозных противоречий; пошатнуть устоявшийся консенсус может нарушение справедливости в сфере межнациональных отношений. В период с 2010 по 2021 гг. общество развернулось в сторону принятия многонационального характера России, уровень положительных оценок российской многонациональности вырос с 34 до 52 %. Нормативная межэтническая толерантность, выражающаяся в готовности принимать людей других национальностей в качестве граждан РФ и жителей региона своего проживания (республики, области, города, села), превышает 70%. Этническую идентичность и межэтническую толерантность можно рассматривать в качестве устойчивых доминант массового сознания, прочно укоренённых на уровне представлений, социальных практик и социальных институтов, активно влияющих на процессы нациестроительства и национально-гражданской консолидации. Делается вывод, что в регионах России складываются уникальные модели и форматы нациестроительства, обусловленные не только федеральной и региональной политикой этнической и российской идентичности, институционализацией этничности в республиках, но

и повседневными, исторически сложившимися и укоренёнными в местном сообществе традиционными формами межэтнического (и межрелигиозного) взаимодействия и соционормативными практиками межэтнической толерантности.

Ключевые слова: этническая идентичность, этническая толерантность, нациестроительство, Кабардино-Балкарская Республика, межэтнические отношения, религиозная идентичность, нетрадиционный ислам

Введение

Россия – страна с доминирующим русским населением и вместе с этим – высокой этнической сложности. Этническая сложность и «русскость» России защищается государством, закреплена в общественном и доктринальном дискурсе, проявляется на уровне государственных институтов. Исторически сложившаяся конфигурация этносоциального пространства находит отражение в Конституции России и в тексте Стратегии государственной национальной политики.

Мониторинговое изучение этнической идентичности, ведущееся Центром исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН, показывает, что этническая идентичность на протяжении всего постсоветского развития сохраняет завидную устойчивость и высокий мотивационный и ценностный потенциал, не заменяется российской идентичностью, а «соседствует» с ней и, вовлекаясь в её формирование, становится активным участником нациестроительства. Этническая и российская идентичности находятся в состоянии взаимного влияния, активно участвуют в общественных процессах, аккумулируя в себе «семейно-родственный» и государственно-гражданский каналы трансляции культуры, ценностей и смыслов.

Этническая идентичность, адаптивная к этнокультурному разнообразию, обладает большим потенциалом социальной консолидации. Подкреплённая этнической толерантностью и групповыми стратегиями ненасильственного разрешения межэтнических конфликтов, она выступает надёжной социокультурной основой для национально-гражданской интеграции, а для этнического большинства – базисом их российской идентичности. Поддерживая связь с прошлым, культурными и религиозными традициями, этническая идентичность формирует историко-культурные компоненты российской идентичности.

Глобальным риском для общероссийской интеграции может стать политизация этничности [1], чреватая нарастанием межэтнической напряжённости. Последняя может продуцироваться как материальными факторами – ухудшением общей социально-экономической ситуации, конкуренцией этнических групп на рынке труда, так и нематериальными

ми, важнейшим из которых является «пересборка» исторической памяти, актуализация исторических обид, обесценивание традиционных, исторически сложившихся принципов и практик мирного сосуществования в полиэтническом социуме.

Изучение этнической идентичности и межэтнической толерантности в РФ, в том числе в регионах высокой этнической сложности представляется актуальной научной и практической задачей. В статье на материалах общероссийских опросов и исследований в Кабардино-Балкарской Республике представлены результаты изучения актуальных аспектов этнической идентичности и межэтнической толерантности, приобретающих особую значимость в условиях текущих геополитических вызовов и угроз.

Работа выполнена в режиме «социологической диагностики» (М. К. Горшков), раскрывающем актуальное состояние изучаемых процессов и явлений с учётом контекста «общего» и «особенного». Используется ряд апробированных социологических индикаторов текущих этносоциальных процессов: отношение к этнокультурному разнообразию российского общества; уровень и субъективная значимость этнической идентичности; представление о статусе народов в российском государстве; уровень религиозной идентичности, этнической солидарности и межэтнического доверия; готовность принимать людей других национальностей в качестве граждан России и жителей региона своего проживания; отказ от насильственных методов урегулирования межэтнических конфликтов и др.

Эмпирическую базу составили данные всероссийского исследования ИС ФНИСЦ РАН 2020 г.¹, привлекаются данные мониторинга ИС ФНИСЦ РАН 2022 г.², данные социологического исследования в Кабардино-Балкарской Республике 2021 г.³; материалы интервью и групповых дискуссий с экспертами, проведённых в КБР в 2021 г.; используются данные Фонда «Общественное мнение».

¹ Опрос в рамках проекта «Общероссийская идентичность и межэтнические отношения: социальная практика, публичный дискурс и управленческие решения» по программе научных исследований РАН. Выборка объёмом 2000 респондентов репрезентирует население РФ от 18 лет по полу и возрасту. Опрос проводился методом интервьюирования (face to face) в 22 субъектах Российской Федерации.

² Опрос проводился по репрезентативной общероссийской выборке методом индивидуальных интервью в 22 субъектах РФ. Выборочная совокупность 2000 чел. (См.: Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.]; под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой; ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022; Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Р. Э. Бараш [и др.]; под ред. М. К. Горшкова; ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022).

³ Социологический опрос в Кабардино-Балкарской Республике репрезентирует взрослое население по полу и возрасту. Выборочная совокупность 713 чел. Опрос проводился методом интервьюирования (face to face). Опрос проведён в четырёх городах (Нальчик, Баксан, Майский, Чегем) и восьми сёлах (Дыгулыбгёй, Жанхотеко, Кёнденен, Нартан, Сармаково, Хасанья, Чегем 2, Шалущка) республики. Всего было опрошено 713 респондентов, из них 56% – кабардинцы, 16% – балкарцы, 20% – русские, 8% – представители других национальностей.

Теоретические подходы, понятия и индикаторы

Этническая идентичность стихийно формируется как осознание общности с людьми своей национальности, сопровождается эмоционально-ценностным переживанием этой общности, опирается на знания о культуре и истории своего народа: на основе сознательных представлений и бессознательных переживаний формируется синергический образ последнего. Она поддерживается этническими категориями и стереотипами, циркулирующими в обыденном, общественном и официальном дискурсе, аккумулирует этнокультурные, нередко религиозные ценности. Когнитивный компонент этнической идентичности проявляется в представлениях о том, что объединяет людей одной национальности: язык, культура, территория, история, религия своего народа и др. Ценностные, эмоциональные компоненты этнической идентичности обуславливают её высокий мотивационный потенциал, который может проявляться в различных установках и формах социального действия.

Благодаря вовлечению ценностей и эмоций этническая идентичность может приобретать различную интенсивность, от номинальной, относительно свободной от эмоций и с диффузными представлениями о своей этнической группе/категории, до актуализированной (осознанной и субъективно значимой), формирующей этническую солидарность. В основе последней лежит потребность в принадлежности к сообществу, кооперации с другими, примордиальное по своей сути чувство сопричастности со своим «этническим миром». Э. Фромм отмечал, что без неё человек оказывается неспособным «соотнести себя с любой системой, которая давала бы смысл и направление его жизни» [2, с. 32]. Этническая солидарность питает и поддерживает готовность к действию – защиту, сохранение и развитие той этнической общности, с которой человек себя идентифицирует.

Этническая толерантность в самом широком смысле подразумевает спектр социальных установок и психологических состояний, связанных с готовностью мириться с существующими в обществе этническими, культурными, религиозными различиями [3]. Она предполагает уважение к культурному разнообразию, готовность к взаимодействию и сотрудничеству с людьми, независимо от их национальности и религиозной принадлежности и может варьировать от индифферентного восприятия различий до их прямого одобрения¹ [3, с. 25–26]. В социологическом плане она выражает принятие социального пространства, насыщенного этническими

¹ Декларация принципов терпимости ЮНЕСКО. Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года // Организация Объединённых Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 01.06.2023).

и религиозными идентичностями и маркерами. В российских исследованиях этническая толерантность понимается как готовность принимать людей «такими как они есть» [4], как способ осуществления какой-либо ценности [5]; её необходимым элементом является межэтническое доверие, преодолевающее этнические границы в повседневных взаимодействиях.

Общероссийская перспектива

В официальном политическом дискурсе ключевая роль этнического фактора для постсоветской России была озвучена в программной статье В. В. Путина «Россия: национальный вопрос», вышедшей в 2011 году. В статье отмечено, что российское государство (цивилизация) представляет собой синтез культур и идентичностей, где каждый гражданин – при верховенстве закона – «не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности»¹. Русская культура и русский народ названы «стержнем», скрепляющим ткань полиэтничной России.

Озвученные политические установки соответствуют социальным реалиям РФ. За прошедшее десятилетие (с 2010 по 2021 гг.) российское общество «развернулось» в сторону уважения и принятия многонационального характера России. Доля россиян, полагающих, что многонациональность приносит стране больше пользы, чем вреда, выросла с 34 до 52%. Доля негативно оценивающих многонациональность России снизилась с 32 до 22% (см. табл. 1).

Таблица 1
Позитивное и негативное восприятие этнокультурного разнообразия России, 2010-2021 гг., данные ФОМ, % от числа опрошенных

Варианты ответов на вопрос: Как вы считаете, тот факт, что в России живут люди многих национальностей, приносит ей в целом больше пользы или больше вреда?	2010	2012	2013	2014	2015	2018	2021
больше пользы	34	37	44	44	45	50	52
больше вреда	32	37	23	25	23	21	22
затруднились ответить	34	26	32	31	32	29	26

Источник: воспроизведены данные всероссийского опроса ФОМ, 16 августа 2021 г.²

¹ Независимая газета, 23.01.2011.

² ФОМнибус – репрезентативный опрос населения от 18 лет и старше. В опросе участвовали 1500 респондентов – жителей 104 городских и сельских населённых пунктов в 53 субъектах РФ. Интервью в режиме face-to-face проходили по месту жительства респондентов. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14616> (дата обращения: 28.07.2023).

В Российской Федерации сохраняется и воспроизводится высокая ценность этнической идентичности. Согласно всероссийскому исследованию ИС ФНИСЦ РАН 2020 г., 77% россиян согласились с тем, что «*в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности*».

Российская федеративная модель, построенная по национально-территориальному признаку, предполагает институционализацию этничности, признание обществом *прав народов* и их известную автономию. Стратегией государственной национальной политики фиксируется, что большинство российских народов сформировалось на территории современной России¹, этническое и культурное разнообразие страны (ст. 69.2) и право на сохранение родного языка (ст. 68.3) защищается Конституцией РФ. Сохранение этнокультурного разнообразия РФ в рамках модели национального государства на основе формирующейся российской нации как «политического сообщества по волеизъявлению», предполагает выработку соответствующей концепции государственного управления и общественной самоорганизации, которая соединяла бы в себе «идеи единства государственной нации и многообразия составляющих её этнонаций» [6, с. 114, 119].

Для воплощения такой модели государственного уклада нужна поддержка со стороны общества. Мониторинговые опросы ИС ФНИСЦ РАН позволяют оценить динамику массовых представлений о характере предпочитаемой модели российского государства с учётом этнического фактора, т. е. его (государства) многонациональности. За период с 2011 по 2020 гг. массовое сознание демонстрирует устойчивую тенденцию – почти половина россиян голосует за модель равноправного участия всех народов России в государственном строительстве (от 46 до 50% в разные годы), соглашаясь с мнением «Россия – *общий дом многих народов, оказывающих друг на друга своё влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ*». Доля радикальных националистов, полагающих, что «Россия должна быть государством русских людей», крайне невелика и составляет 9–11%. И около трети россиян (от 39 до 30%), принимая многонациональность России, в то же время полагают, что «русские должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны» (см. табл. 2). Отметим, что это распределение выражает главным образом мнение этнического большинства (поскольку русские составляют основу выборки).

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями на 6 декабря 2018 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации : [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 15.07.2023).

Важная тенденция была зафиксирована в марте 2022 г. Опрос ИС ФНИСЦ РАН, проведённый в первый месяц ведения СВО, зафиксировал рост представлений о равноправии российских народов в российском государстве – доля согласных с представлением, что «Россия – общий дом многих народов...» выросла на 8 п.п. – до 55% (в сравнении с 47% в 2020 г.). Этот рост произошёл за счёт группы «затрудняющихся ответить» в предыдущие годы исследований, подтолкнув их в сторону поддержки равноправного статуса всех народов в российском государстве.

Таблица 2
Представления о характере российского государства, 2011–2022 гг.,
% от числа опрошенных

Выбор суждения	2011	2014	2015	2016	2017	2020	2022
Россия должна быть государством русских людей	10	9	10	9	10	11	11
Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны	39	32	36	32	30	35	34
Россия – общий дом многих народов, оказывающих друг на друга своё влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	46	50	46	50	48	47	55
Затруднились ответить	4	9	8	9	12	7	0

Источник: данные воспроизведены из: Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Р. Э. Бараш [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова ; ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Москва : Издательство «Весь Мир», 2022. С. 138.

Согласно мониторинговому исследованию ИС ФНИСЦ РАН 2022 г., «сохранение национальных традиций, моральных и религиозных ценностей» и полиэтническая «великодержавность» – необходимые условия для развития России. Эти позиция занимают, соответственно, третье (39%) и пятое (35%) места в списке ценностных приоритетов, описывающих образ России будущего (см. табл. 3).

Таблица 3

*Желаемый образ России будущего в массовом сознании россиян, 2022 г.,
% от числа опрошенных**

Представления о России	Россия, 2022 n=2000
Страна, в которой обеспечивается социальная справедливость	47
Страна, в которой существует сильная власть, обеспечивающая в ней порядок и развитие	40
Страна, сохранившая национальные традиции, моральные и религиозные ценности	39
Страна, в которой обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности	39
Великая держава мира, объединяющая разные народы	35
Страна со свободным рынком, частной собственностью, минимумом вмешательства государства в экономику	21
Страна, в которой ограничиваются социальное неравенство и социальное расслоение	17
Активный партнёр Запада	14
Страна, в первую очередь, для русских (русское национальное государство)	8

* Сумма превышает 100%, т. к. допускалось до трёх ответов каждого респондента

Источник: Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой ; ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Москва : Издательство «Весь Мир», 2022. С. 232.

Будучи источником новаторства, обменов и творчества, культурное разнообразие выступает ключевым фактором устойчивого развития¹. Российским общественным мнением многонациональность страны рассматривается как её достояние; проблемы, порождаемые многонациональностью, связываются, в первую очередь, с избыточным притоком инокультурных мигрантов.

Мотивы групповой принадлежности и сплочённости, в том числе на основе разделяемой этничности остаются актуальными. Уровень этнической идентичности² составил 80%, её актуализация (доля «часто» ощущающих общность с людьми своей национальности – 34%), уровень

¹ Всеобщая Декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Принята 2 ноября 2001 года Генеральной конференцией Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры // Организация Объединённых Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 04.04.2023)

² Исследуется с помощью вопроса о том, насколько «часто», «иногда» или «никогда» респондент испытывает чувство общности, близости с людьми своей национальности. Ответ «часто» показывает меру актуализации идентичности, сумма ответов «часто» и «иногда» – общий уровень последней.

религиозной идентичности – 72%. Уровень этнической солидарности (поддержка мнения «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности») – 77%. Анализ структурных компонентов этнической идентичности, проявляющихся в распределении ответов на вопрос: «Что из перечисленного больше всего объединяет Вас с людьми Вашей национальности?», показывает, что ведущими выступают «язык» (68%), «культура» (46%), «территория» (родная земля, природа) (44%). Менее значимые компоненты – «обычай» (34%), «историческое прошлое» (26%), «религия» (16%), государство (16%). Последние находятся под сильным влиянием текущего политического и общественного контекста, поэтому их показатели более волатильны и могут варьировать в различных регионах и этнических средах. Этническая идентичность активно вовлекается в формирование российской государственно-гражданской идентичности. Постсоветские исследования показывают, что для этнического большинства страны их этническая идентичность служит мотивационным источником российской гражданской идентичности [7]. Для того чтобы успешно «подпитывать» процессы нациестроительства, этническая идентичность должна быть миролюбивой, оснащённой установками межэтнической толерантности, в основе которых, вместе с признанием этнокультурного разнообразия России, лежит отказ от применения насильственных мер по урегулированию межэтнических и межконфессиональных (межрелигиозных) противоречий. Правом на применение насилия обладает только государство, поэтому убеждение о неприменимости насилия в урегулировании межэтнических конфликтов служит наиболее ёмким индикатором этнической толерантности, столь необходимой для поддержания консенсуса и стабильности в повседневных межэтнических контактах.

Как показывает исследование ИС ФНИСЦ РАН 2020 г., мнение «насилие в межнациональных и межрелигиозных отношениях недопустимо» поддерживают 90% россиян (78% «полностью согласны» и 12% «скорее согласны»). При этом 43% россиян (по сумме ответов «полностью согласен» и «скорее согласен») считают, что «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры». Однако полностью согласных с этим значительно меньше – 21%.

Нормативная межэтническая толерантность, выражающаяся в готовности принять человека другой национальности в качестве гражданина РФ, жителя своего региона, города, составляет, соответственно, 72–74–71%; уровень межэтнического доверия («доверия людям других национальностей») – 39%, а уровень доверия мусульманам – 31% (при 26% затруднившихся ответить). Поскольку основу выборки всероссийского исследования составляют русские, доверие православным выше и составляет 58% (при 23% затруднившихся ответить).

Ключевая социальная функция этнической толерантности – её способность создавать на уровне социальных практик нормативную основу, препятствующую перерастанию социальной напряжённости в межэтническую, в открытые конфликты на этнической почве. В числе важнейших её характеристик – умение договариваться, противостоять агрессивному этнонациональному и религиозному дискурсу, призывающему к политической мобилизации на основе этнических и религиозных различий, что особенно актуально для регионов высокой этнической сложности.

Этническая идентичность и толерантность в Кабардино-Балкарской Республике

В российских республиках сегодня складываются уникальные модели нациестроительства, которые определяются историческим контекстом межнациональных отношений, местными культурными, политическими и экономическими факторами, особой значимостью этничности и последствиями её институционализации. Экспертами отмечается, что государственная политика идентичности на Северном Кавказе взаимодействует с прочно укоренившимися в гражданском секторе этнической и религиозной идентичностями [8], которые способствуют сохранению традиционных структур социальных отношений, «консервации» в республиканском сообществе этнически окрашенных традиционных норм и ценностей. В сравнении с другими федеральными округами, в СКФО наиболее высокий уровень субъективной значимости этнической и религиозной идентичностей и здесь острее, чем в иных федеральных округах воспринимаются риски межэтнической напряжённости [9]. Но при этом в СКФО (наравне с Южным и Приволжским федеральными округами), фиксируются наиболее позитивные оценки межнациональных отношений [10]. Проблематика этносоциологических исследований на Северном Кавказе обусловлена, в первую очередь, необходимостью предотвращения межнациональной напряжённости, рисков политизации этнокультурных (этнической и религиозной) идентичностей.

В нашем исследовании на примере Кабардино-Балкарской Республики мы постарались оценить потенциал межэтнической толерантности, анализируя социокультурные основы межэтнического согласия в перспективе общероссийской консолидации.

Кабардинцы (57,2%), балкарцы (12,7%) и русские (22,5%) представляют основные национальности республики¹, кабардинцы и балкарцы соотносят себя с исламом, русские – с православием; социокультурный

¹ По данным переписи 2010 г. URL: <https://severnykavkaz.ru/naselenie-kabardino-balkarii> (дата обращения: 05.08.2023).

ландшафт КБР обогащается её многоязычием – кабардинский, балкарский и русский языки являются государственными языками в республике. Фактором нестабильности в сфере межэтнических отношений выступают вопросы использования и распределения земли, проблемы «передела, незаконного занятия, реального или мнимого неравенства народов во владении землёй» [11, с. 108]. Экспертами отмечается растущая «мусульманизация» местного сообщества и распространение экстремистской религиозной идеологии [12, с. 53]. Не следует забывать также о травмах исторической памяти (последствия Кавказской войны, депортация балкарцев в 1944 г.) и сохраняющихся рисках террористических атак (действует программа «Профилактика терроризма и экстремизма в Кабардино-Балкарской Республике» рассчитанная на период 2021–2025 гг.). По свидетельству экспертов, конфликтогенным общественным мероприятием выступает День памяти жертв Кавказской войны, который отмечают кабардинцы. В республике также случались массовые межэтнические столкновения между кабардинцами и балкарцами в связи с разной трактовкой исторических событий, связанных с Канжальской битвой 1708 г.¹ Поэтому исследование трендов этнической идентичности и межэтнической толерантности приобретает здесь особую актуальность.

Уровень этнической идентичности в КБР высок: 97% жителей республики ощущают общность с людьми своей национальности, столь же значим уровень религиозной (93%) и республиканской (94%) идентичностей. Их актуализация не препятствует общероссийской интеграции: уровень *российской идентичности* также высок, хотя несколько уступает этнической и религиозной идентичностям – 88% жителей КБР ощущают общность с гражданами России. Эксперты часто отмечают, что жители Кабардино-Балкарии и, шире, СКФО по самоощущению в значительной мере «*бóльшие россияне*», чем россияне Центральной России.

Практически всё население Кабардино-Балкарии полностью согласно с мнением «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо» (95%). Эта мирная установка одинаково широко распространена среди кабардинцев (95%), балкарцев (95%) и русских (97%), в равной мере поддерживается всеми возрастными группами, горожанами и сельчанами, мусульманами и православными, верующими и неверующими. При этом нарушение справедливости в отношении их народа или веры для 1/3 опрошенных – веское основание для жёстких ответных действий. Готовы к применению насилия в урегулировании межэтни-

¹ Кабардинские всадники прошли через балкарское село в сторону горы Канжал, где, по версии кабардинцев, состоялась битва кабардинцев с войсками крымского хана, прибывших для сбора дани. Подробнее см. <https://lenta.ru/news/2018/09/19/konflikt/?ysclid=l23f9vtnpw> (дата обращения: 22.09.2023).

ческих и межрелигиозных споров 36% среди кабардинцев, 35% среди балкарцев, 34% среди русских; их доля также равномерно представлена в различных возрастных группах, в городе и селе, среди мусульман и православных. Отметим, что эта доля ниже, чем аналогичная, зафиксированная в общероссийском исследовании (там она составила 43%).

Наиболее весомые основания этнической идентичности – «язык» (56%), «культура» (52%), «обычаи, обряды» (52%), «родная земля/территория, природа» (40%), «религия» (27%). Обращает на себя внимание относительная слабость традиционных основ этничности для русских: значимость «обычаев, обрядов», «религии» для кабардинцев и балкарцев в их этнической идентификации существенно выше, русские же, в сравнении с кабардинцами и балкарцами, чаще упоминают «общую государственность» в качестве *этнического* идентификатора (см. табл. 4).

Таблица 4

Идентификационные основания этнической идентичности среди основных национальностей Кабардино-Балкарии, % от числа опрошенных

Основания этнической идентичности	Кабардино-Балкария, 2021				
	Кабардинцы (n=401)	Балкарцы (n=111)	Русские (n=142)	Другие национальности (n=59)	В целом в КБР (n=713)
Язык	56	63	52	53	56
Культура	55	50	47	52	52
Обычаи, обряды	58	60	30	52	52
Родная земля (территория, природа)	44	35	41	22	40
Религия	28	32	20	33	27
Историческое прошлое	13	14	18	24	15
Общая государственность	10	11	25	12	14
Внешний облик (внешность)	4	4	10	7	5
Ничего не объединяет	1	0	1	2	1

Кабардинцы, балкарцы и русские демонстрируют одинаково высокий уровень этнической идентичности, при этом практически все кабардинцы и балкарцы соотносят себя с исламом (96–97%), а все русские – с православием (93%). Но мотивационные основы этнической и религиозной идентичностей, их субъективная значимость (частое ощущение общности с людьми своей национальности, с людьми своей веры) у кабардинцев и балкарцев существенно выше, чем у русских. *Часто* ощущают общность с людьми своей национальности 81 и 87% среди кабардинцев и балкарцев (соответственно), среди русских 61%. То же относится и к религиозной идентичности: её субъективная значимость для кабардинцев и балкарцев заметно выше – 72 и 80% (против 53% для русских) (см. табл. 6).

Соответственно, исламские религиозные практики в социокультурном ландшафте республики представлены шире, чем православные, они заметнее в общественном пространстве. Стремятся соблюдать религиозные обычаи и обряды 79% мусульман и 59% православных (см. табл. 5). Согласно проведённому исследованию, институционально оформленная исламская религиозность в КБР обладает дополнительным мобилизационным ресурсом. Среди верующих, но *«не соблюдающих»* обычаи и обряды уровень готовности к применению насилия в случае нарушения справедливости в отношении их народа или веры составляет 29%, а среди *«верующих и стремящихся соблюдать»* обычаи и обряды – 38%.

Таблица 5

Отношение к религиозной вере среди мусульман и православных
Кабардино-Балкарии, % от числа ответивших

Отношение к вере	Кабардино-Балкария, 2021		
	Мусульмане (n=513)	Православные (n=132)	Другие (n=19)*
Верующий, старается соблюдать обычаи и обряды	79	59	–
Верующий, но не соблюдает обычаи и обряды	20	39	–
Колеблющийся, сомневающийся	1	2	–
Неверующий, атеист	0	0	–

*Количество респондентов в группе не допускает вычисления частотного распределения

Интерес к этничности, к этническому происхождению – это часть повседневной традиционной культуры кабардинцев и балкарцев: «...в определённых семьях детям с малых лет внушают: «Ты такой-то национальности... Ну, слово “национальность” не говорят, но... “ты – кабардинец, ты – балкарец”» (эксперт, сфера образования) «...вот у нас так принято – спрашивать фамилию... откуда, где живёт человек, как фамилия бабушки, как фамилия девичья, там... Это у нас национальная особенность. Вообще, даже это какое-то проявление безразличия, если я не спрашиваю. Понимаете? То есть я интересуюсь человеком, мне интересен человек. И в нашей нации, по крайней мере, я могу про наших говорить, это заложено... И им интересно, что собой представляет человек, а кто бабушки-бабушки, то есть для нас это ценно... То есть это чисто культурологический такой аспект...» (эксперт, психолог).

Таблица 6

Этническая и религиозная идентичности
среди основных национальностей Кабардино-Балкарии,
% от числа опрошенных

Актуализация и общий уровень идентичности	Кабардино-Балкария, 2021				
	Кабардинцы (n=401)	Балкарцы (n=111)	Русские (n=142)	Другие национальности (n=59)	В целом в КБР (n=713)
ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ					
Ощущают общность, близость с людьми своей национальности...					
часто...	81	87	61	64	77
иногда...	16	11	32	28	20
Общий уровень этнической идентичности	97	98	93	92	97
никогда...	1	1	5	8	3
РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ					
Ощущают общность, близость с людьми своей веры					
часто...	72	80	53	74	70
иногда...	21	15	32	24	23
Общий уровень религиозной идентичности	93	95	85	98	93
никогда...	4	4	11	0	5

На уровне повседневности глубокая укоренённость этнической и религиозной идентичностей в общественном пространстве Кабардино-Балкарии поддерживается их традиционным статусом, а также недостаточностью идеологических и социально-экономических ресурсов общегражданской консолидации. Однако в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений глубокая укоренённость этнической и религиозной идентичностей, наравне с возможными рисками, имеет безусловные позитивные последствия, поскольку отражает и поддерживает соционормативные практики исторически сложившегося в регионе межэтнического консенсуса и этнической толерантности.

Отметим, что постсоветская *религиозность* россиян как концепт и как социальное (и психологическое) явление привлекает широкое внимание исследователей и неоднозначно оценивается научным сообществом. Располагаясь на «стыке» современных и архаичных социальных практик, представлений и мотиваций, религиозная идентичность как отражение мотивов богоискательства и потребности в принадлежности к сообществу единоверцев воплощает в себе, в первую очередь, поиск смысло-жизненных ценностей и, как любая социальная макроидентичность, подвержена колебаниям между архаичным и модерным полюсами общественной жизни. Поэтому она может как способствовать процессам общегражданской и межэтнической внутрироссийской интеграции, так и входить в противоречие с ними.

Экспертами разного уровня отмечается, что религиозность выступает ведущей мотивацией в консолидации народов Северного Кавказа, в первую очередь, мусульманских. В Кабардино-Балкарии «часто» ощущают общность с людьми *своей веры* 76% мусульман и 55% православных. При этом религиозность мусульман не монолитна: на волне «реисламизации» 1990-х гг. салафитский ислам, проникнув в регионы Северного Кавказа, «повысил политическое значение деления ислама на “традиционный” и “нетрадиционный”» [13, с. 65]. Поэтому внутриконфессиональные противоречия в исламской умме становятся дополнительным фактором межэтнической (нередко и внутриэтнической) дестабилизации. Этот «новый ислам» является вызовом для традиционного для КБР ислама, поскольку он стал заметным элементом «*нетрадиционного*» регионального социального капитала, вовлекая своих последователей в прочные духовные, экономические, межличностные отношения, характеризующиеся высокой степенью взаимозависимости и взаимопомощи. «*Эти сообщества религиозные...это наиболее сильные...сильный социальный актор, социальный капитал, которым они обладают, он гораздо больше, чем у всех остальных*» (эксперт, сфера образования и науки). Повседневные культурные нормы его представителей воспринимаются носителями

традиционного ислама и сторонниками светского общества как вызов исторически сложившимся культурным нормам местного сообщества. *«...у них есть там версия, что культура – это грех... Петь нельзя, танцевать нельзя... Поэтому дети, которые ходят в садик или в школу, они тоже не участвуют ни в спектаклях, они не поют, они не ходят на мероприятия, это запрещено. Но это противоречит настоящему традиционному исламу, там этого нет, там такого запрета нет. Соответственно, это растёт целое поколение, которое не участвует в каких-то культурных мероприятиях... даже в национальном, в этническом концерте эти люди не будут принимать участие»* (эксперт, сфера образования).

В экспертных интервью часто звучит убеждение, что нетрадиционный для республики («сектантский», «псевдорелигиозный») ислам становится фактором межэтнической нестабильности, поскольку противоречит устоявшимся в регионе практикам поддержания межэтнического консенсуса: *«псевдорелигиозная идентичность, она во многом вымывает те остатки, те позитивные традиции и нормы, которые присущи испокон веков этническим идентичностям Северного Кавказа»*, растворяет *«нормы сложившегося ислама как формы культурной, традиционной идентичности...»* (эксперт, сфера образования и науки), *«...вот эти формы идентичности, которые появились внутри религиозной идентичности, они очень сильно также противоречат и этнокультурной идентичности, потому что этнокультурная идентичность во многом основывается на ценностях истинной толерантности»* (эксперт, сфера образования и науки).

В республиках Северного Кавказа исторически сложились традиционные институты урегулирования конфликтов – как на основе адата (обычного права), так и с помощью исламских лидеров, авторитетных членов сельских сообществ, старейшин, выполняющих роль третейских судей в урегулировании межэтнических споров и разногласий. И высокая значимость для жителей Северного Кавказа их религиозной (исламской) идентичности, веры вносит важный вклад в достижение примирения [14]. Эти практики являют собой достояние традиционных культур кавказских народов, доказывая, что религиозная (духовная) мотивация выступает одним из наиболее эффективных инструментов урегулирования конфликтов и примирения, достижения межэтнического консенсуса.

Интенсивность и качество социальных связей, складывающихся поверх этнических и религиозных границ, находит отражение в уровне обобщённого, межэтнического и межрелигиозного доверия. *Межэтническое доверие* в КБР (людям других национальностей) значительно

превышает уровень *обобщённого* доверия (людям в целом)¹. Доверяют *людям других национальностей* 70%, а *людям в целом* – лишь 33%. Невысокий, в сравнении с другими регионами, уровень обобщённого доверия в КБР свидетельствует о присутствии в социальном пространстве факторов, угрожающих безопасности – рисков терроризма, радикального исламизма, а также дискурса травмированной исторической памяти.

При этом традиционно сложившееся этнокультурное доверие (межэтническое и межрелигиозное), безусловно, является социальным капиталом для жителей республики, его уровень высок, а для приверженцев мусульманской культурной традиции (кабардинцев и балкарцев) ценность этого капитала выше, чем для русских (приверженцев православия). Среди кабардинцев и балкарцев доверяют *людям других национальностей* 71–75% (среди русских – 65%), уровень доверия мусульманам среди кабардинцев и балкарцев – 84 и 86% (среди русских – 63%); доверие православным среди русских, кабардинцев и балкарцев одинаково высокое – 76–78% (см. табл. 7).

Таблица 7

Показатели доверия в Кабардино-Балкарии,
% от числа опрошенных

Уровень доверия...	Кабардино-Балкария, 2021				
	Кабардинцы (n=401)	Балкарцы (n=111)	Русские (n=142)	Другие национальности (n=59)	В целом в КБР (n=713)
Людям в целом	31	33	35	41	33
Людям других национальностей	71	75	65	76	70
Людям своей национальности	75	82	75	69	76
Мусульманам	86	84	63	74	80
Православным	78	76	78	78	77

¹ Для исследования межэтнического доверия задавался вопрос «Насколько Вы доверяете людям других национальностей?» (варианты ответов: «полностью доверяю», «скорее доверяю», «скорее не доверяю», «совсем не доверяю»). Для исследования обобщённого доверия задавался вопрос: «Как вы считаете, можно ли доверять большинству людей?» (варианты ответов: «большинству людей точно можно доверять», «большинству людей скорее можно доверять», «большинству людей скорее нельзя доверять», «большинству людей точно нельзя доверять»).

Консенсус в сфере межэтнических отношений в Кабардино-Балкарии оформлен на институциональном уровне. Корректировка кадровой политики государственных органов власти, проведённая в КБР в 1990-х гг., закрепила этнический паритет в сфере государственного управления: «должности главы республики, председателя правительства и спикера парламента неизменно занимают представители трёх основных этносов; кабардинцев, балкарцев, русских» [11, с. 101]. Высокий уровень этнической толерантности и межэтнического доверия вкупе с институциональными факторами обеспечивают стабильность социальных связей и поддерживают межэтнический консенсус в республиканском сообществе.

На уровне повседневности уважение и взаимопомощь, почитание традиций добрососедства – это уникальный социальный капитал республики. *«Мой отец 20 лет ухаживал, пока у него были силы, за русским кладбищем, потому что русские, большинство уехали, а те, кто остался, умерли, и смотреть за этим кладбищем было некому. Изгородь каждый год ремонтировал для того чтобы на это кладбище не заходил скот, чтобы они не топтали могилы, я вот считаю это настоящее взаимное уважение и толерантность...»* (эксперт, сфера образования и науки).

Заключение

В России идут процессы глубокой социокультурной трансформации, поиск собственного внутреннего и внешнего «образа» и смыслов, которые находят непосредственное и яркое выражение в текущих идентификационных процессах. Значимость этнокультурных идентичностей (этнической и религиозной) стабильно высока, их можно рассматривать в качестве весомых «доминант массового сознания» [15] постсоветского человека. Этническая и религиозная идентичности, межэтническая толерантность и доверие выполняют роль социокультурных оснований в процессах нациестроительства и национально-гражданского самоопределения. Общество постепенно движется в сторону признания и «одобрения» многонационального уклада российского государства с признанием равноправия всех народов страны; риском для общественного согласия выступает нарушение справедливости в сфере межнациональных отношений. В массовом сознании присутствует дисбаланс в понимании «ответственности» и «прав» народов России: значительная часть этнического большинства (от 34 до 39% за последние 10 лет) полагает, что основная *ответственность* за судьбу страны лежит на русских, поэтому русские должны иметь в государстве больше прав. В 2022 году, с началом СВО, доля признающих равноправие *всех народов* России выросла на 8 п.п. (до 55%).

В республиках Российской Федерации складываются собственные модели и форматы нациестроительства, и этнокультурные идентичности активно вовлекаются в эти процессы. Толерантность, понимаемая как «способ осуществления ценности» [5], в межнациональных отношениях проявляет себя как способ достижения и поддержания межэтнического мира, доверия, уважения, добрососедства. Способы достижения межэтнической толерантности различаются в регионах России, поскольку в определяющей мере обусловлены историческим, культурным, религиозным контекстом и региональной политикой этнокультурных идентичностей.

В условиях очень высокой ценности для населения Кабардино-Балкарии их этнической и религиозной идентичностей, существующих рисках межэтнической напряжённости и радикализации ислама, консенсус в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений обеспечивает необходимую соционормативную базу как для поддержания внутренней общественной стабильности, так и для общероссийской консолидации. Фактором риска выступает усиление роли нетрадиционной исламской религиозности и соответствующее этим тенденциям снижение уровня межэтнического и межконфессионального доверия у русских. Нетрадиционный ислам, по мнению экспертов и информантов, размывает привычные, исторически укоренённые среди населения культурные ценностные ориентации, вносит дисбаланс в устоявшиеся межэтнические, а также межконфессиональные (между мусульманами и православными) и внутриконфессиональные (между мусульманами) отношения, поскольку он предлагает иной культурный стандарт, входящий в противоречие с исторически сформировавшимися в республиканском социуме соционормативными культурными практиками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. 2020. № 3. С. 74–97. DOI [10.31249/poln/2020.03.04](https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.04). EDN [OQC5WY](https://www.edn.ru/0QC5WY).
2. Фромм Э. Бегство от свободы. М. : Издательство АСТ, 2021. 288 с. ISBN 978-5-17091681-8.
3. Уолцер М. О терпимости. М. : Идея Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с. ISBN 5-73330-019-1. EDN [TZNMAF](https://www.edn.ru/TZNMAF).
4. Социология межэтнической толерантности / Л. М. Дробижева, Д. В. Даен, И. М. Кузнецов [и др.] ; отв. ред. Л. М. Дробижева ; Институт социологии РАН. М. : ИС РАН, 2003. 222 с. ISBN 5-89697-084-6. EDN [QOCNVN](https://www.edn.ru/QOCNVN).
5. Хомяков М. Б. Толерантность: парадоксальная ценность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 4. С. 98–112. EDN [OUKSHZ](https://www.edn.ru/OUKSHZ).
6. Ян Э. Государственное и этническое понимание нации: противоречия и сходство // Полис. Политические исследования. 2000. № 1. С. 114–123. EDN [ESCSBJ](https://www.edn.ru/ESCSBJ).

7. Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М. : Альфа-М, 2011. 280 с. ISBN 978-5-98281-303-9. EDN [QPWNKN](#).
8. Институциональные рамки формирования общероссийской идентичности в Северо-Кавказском регионе: трудности и достижения / В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов, Г. Д. Гриценко [и др.] // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 12 (89). С. 13–20. DOI [10.24158/пер.2020.12.1](#). EDN [ZJRYSN](#).
9. Рыжова С. В. Этническая идентичность в общественном измерении // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 3 (31). С. 165–181. DOI [10.19181/snsp.2020.8.3.7497](#). EDN [QSYUIP](#).
10. Щеголькова Е. Ю. Межэтнические отношения в оценках россиян: социологический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4 (158). С. 499–520. DOI [10.14515/monitoring.2020.4.1260](#). EDN [ZYVZVI](#).
11. Тетыев А. И. Этнополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период. Нальчик : Издательская типография «Принт Центр», 2020. 224 с. ISBN 978-5-907150-49-2. EDN [YPPPWC](#).
12. Акиева С. И. Кабардино-Балкарская Республика (мониторинг этнополитической ситуации) // Россия и мусульманский мир. 2015. № 1 (271). С. 44–55. EDN [TUGZBD](#).
13. Ярлыкапов А. А., Адиев А. З. Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаизация, проблема «традиционности» // Исламоведение. 2021. Т. 12, № 4. С. 59–74. DOI [10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74](#). EDN [WQSRVH](#).
14. Азбогачиева М. С., Бабич И. Л. Правовая культура ингушей: история и современность // История государства и права. 2009. № 20. С. 34–38. EDN [KYOPWT](#).
15. Горшков М. К. Российское общество в социологическом измерении // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 3. С. 232–242. DOI [10.31857/S0869587320030068](#). EDN [JFCAXN](#).

Сведения об авторе

С. В. Рыжова

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник
AuthorID РИНЦ: [75912](#)

Статья поступила в редакцию 09.08.2023; одобрена после рецензирования 08.09.2023; принята к публикации 23.09.2023.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2023.11.4.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.7)

ETHNIC IDENTITY AND TOLERANCE IN A MULTICULTURAL SOCIETY: AN ALL-RUSSIAN PERSPECTIVE AND RESEARCH IN KABARDINO-BALKARIA

Svetlana Valentinovna Ryzhova

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

Silica2@yandex.ru

ORCID [0000-0002-1982-5008](https://orcid.org/0000-0002-1982-5008)

For citation: Ryzhova S. V. Ethnic identity and tolerance in a multicultural society: an all-Russian perspective and research in Kabardino-Balkaria. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(4):156–177. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.7).

Abstract. The article presents the results of the study of ethnic identity and ethnic tolerance as significant elements of the mass consciousness of Russians. The empirical basis is provided by representative sociological research conducted in the Russian Federation, data from the «Public Opinion» Foundation, and research conducted in the Kabardino-Balkar Republic, along with in-depth interviews with experts from Kabardino-Balkaria. It is noted that the ethnic diversity in the Russian Federation is enshrined in the public and doctrinal discourse, reflected in the Constitution of the country, and the Strategy of State National Policy. Research shows that while there is a high level of ethnic identity among Russians, there is also a high level of interethnic tolerance, which is necessary for fostering processes of nationwide consolidation. The most significant indicator of interethnic tolerance is the perception that violence in resolving interethnic and interreligious conflicts is unacceptable. Disrupting the established consensus could occur through the breach of fairness in interethnic relations. From 2010 to 2021, Russian society moved towards embracing the multinational character of Russia, with the level of positive assessments of Russian multi-ethnicity rising from 34% to 52%. Normative interethnic tolerance, expressed through the willingness to accept people of different nationalities as citizens of the Russian Federation and residents of their own region (republic, region, city, town, or village), exceeds 70%. Ethnic identity and interethnic tolerance can be viewed as stable dominants of mass consciousness firmly rooted in the realm of beliefs, social practices, and social institutions, actively influencing nation-building processes and national-civic consolidation. The conclusion is that unique models and formats of nation-building are emerging in the regions of Russia, shaped not only by federal and regional policies related to ethnic and Russian identity but also by everyday, historically developed, and locally rooted traditional forms of interethnic (and interreligious) interaction and socio-normative practices of interethnic tolerance.

Keywords: ethnic identity, ethnic tolerance, nation-building, Republic of Kabardino-Balkaria, interethnic relations, religious identity, non-traditional Islam

REFERENCES

1. Avksentev V. A., Aksiumov B. V., Gritsenko G. D. Ethnicity in political conflicts: ethnicization of politics and politicization of ethnicity. *Political science=Politicheskaya nauka*. 2020;(3):74–97. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2020.03.04](https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.04).

2. Fromm E. *Escape from freedom*. Moscow: AST; 2021. 288 p. (In Russ.). ISBN 978-5-17-091681-8.
3. Uoltser M. *On Toleration*. Moscow: Ideya Press, Dom intellektual'noj knigi; 2000. 160 p. (In Russ.). ISBN 5-73330-019-1.
4. *Sociology of intercultural tolerance [Sociologiya mezhe'tnicheskoj tolerantnosti]*. Drobizheva L. M., Daen D. V., Kuznetsov I. M., [et al.]. Moscow: Institut sociologii RAN; 2003. 222 p. (In Russ.). ISBN 5-89697-084-6.
5. Khomyakov M. B. Tolerance: a paradoxical value. *The journal of sociology and social anthropology=Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2003;VI(4):98–112. (In Russ.).
6. Yan E. Interpretation of nation from the state interpretation and from ethnic positions: contradictions and similarities. *Polis. Political studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2000;(1):114–123. (In Russ.).
7. Ryzhova S. V. Ethnic identity in the context of tolerance. Moscow: Al'fa-M; 2011. 280 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98281-303-9.
8. Avksentiev V. A., Aksyumov B. V., Gritsenko G. D., Ivanova S. Yu., Shulgina M. M. Institutional framework for the formation of the All-Russian identity in the North Caucasus region: difficulties and achievements. *Society: politics, economics, law=Obshchestvo: politika, e'konomika, pravo*. 2020;(12):13–20. (In Russ.). DOI [10.24158/pep.2020.12.1](https://doi.org/10.24158/pep.2020.12.1).
9. Ryzhova S. V. Ethnic identity in the social dimension. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2020;8(3):165–181. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2020.8.3.7497](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7497).
10. Shchegolkova E. Yu. Interethnic relations in the assessments of Russians: a sociological analysis. *Monitoring of public opinion: economic and social changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny'*. 2020;(4)158:499–520. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.4.1260](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1260).
11. Tetuev A. I. Ethnopolitical processes in the North Caucasus in the post-soviet period. Nalchik: Print Centr; 2020. 224 p. (In Russ.). ISBN 978-5-907150-49-2.
12. Akkiewa S. I. Kabardino-Balkarian Republic (monitoring of the ethnopolitical situation). *Russia and the muslim world=Rossiia i musul'manskij mir*. 2015;(1):44–55. (In Russ.).
13. Yarlykapov A. A., Adiev A. Z. Islam in the north caucasus: re-islamization, mosaicism, and the problem of “traditionality”. *Islamic Studies=Islamovedenie*. 2021;(12)4:59–74. (In Russ.). DOI [10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74](https://doi.org/10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74).
14. Albogachieva M. S., Babich I. L. Ingush legal culture: history and modernity. *History of state and law=Istoriya gosudarstva i prava*. 2009;(20):34–38. (In Russ.).
15. Gorshkov M. K. Russian society in the sociological dimension. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences=Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2020;(90)3:232–242. DOI [10.31857/S0869587320030068](https://doi.org/10.31857/S0869587320030068).

Information about the Author

S. V. Ryzhova

Candidate of Sociology,

Leading Researcher

ResearcherID: [Q-5147-2016](https://orcid.org/0009-0001-5147-2016)

Scopus AuthorID: [6602330643](https://orcid.org/0009-0001-5147-2016)

The article was submitted 09.08.2023; approved after reviewing 08.09.2023; accepted for publication 23.09.2023.